

Ч.Э. СЫМОНОВИЧ

ЗАМЕТКИ О МОЛОДЕЖНОЙ КУЛЬТУРЕ В СССР В 1960-е гг.

Аннотация. Восстанавливая историю своего поколения — ровесников Великой Отечественной войны (далее — РВ), автор обращается в данной статье к молодежной культуре 1960-х годов.

Тогда завершалась юношеская социализация РВ, как и других уроженцев 1940-х. Быстро изменялись внешние условия жизни, медленнее — социальная среда вокруг РВ. Они и сами начинали изменять формы и содержание, направленность процессов культуры. Понятие «культура» используется здесь лишь как сфера образования, литературы и искусства, обыденного общения и отчасти — сфера нравственности.

Внешними факторами формирования культурного облика, сознания 15–25-летних людей советской России были: а) сведения и факты иностранных культур, воспринимаемые в СССР нередко в искаженном виде и смысле; б) НТР — результат развития высокой, научной культуры, а также средство воздействия на массовые представления, в том числе о культуре.

Рассмотрены существенные места, слои, секторы, даже ячейки общества, в которых «набирались культуры» молодые люди: семьи, круги близких людей; учебные, воинские, трудовые коллективы; группы сверстников-соседей; наконец, повседневное окружение, состоявшее из десятков, а то и тысяч (в больших городах) незнакомых людей.

Смысл текста — лишь в нем самом. Ибо «выводы» неоригинальны: Запад навязал нам не только гонку вооружений и поиск государств-союзников, но и гонку приобретательства, а также услаждение наших молодежных вкусов и самолюбий «их» модой, музыкой, танцами. В более думающую, чувствующую часть молодых людей внедрили тоску по отвлеченной неклассовой человечности... Этот песок в бумажках стал истирать оси советской агитационно-пропагандистской машины.

Ключевые слова: «оттепель»; «застой»; ровесники Войны (РВ); формирование молодежной культуры; политика; литература; искусство; культурно-политическая социализация молодежи.

Сымонович Чеслав Эрастович — кандидат исторических наук, независимый исследователь. Адрес: 196655, Санкт-Петербург, Колпино-5, ул. Красная, д. 4, кв. 11. Телефон: +7 (812) 469-21-77. Электронная почта: cheslavs@yandex.ru

Для цитирования: Сымонович Ч.Э. Заметки о молодежной культуре в СССР в 1960-е гг. // Социологический журнал. 2018. Том 24. № 1. С. 132–151. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5717

В этой статье я предлагаю свой взгляд — обществоведа, принадлежащего поколению ровесников Великой Отечественной войны, — на становление молодежной культуры в 1960-е годы. Смотрю на свое поколение с сегодняшней точки зрения, пользуясь не только собственными воспоминаниями, но и некоторыми источниками. Подлинные зарисовки из жизни, стихотворные строчки, сохранившиеся в памяти, выделяю курсивом — как свидетельства ценностей, интересов, пристрастий, вкусов РВ в то время. 1961 г. был для меня фабричным, 1962–1963 — университетскими, а с 1964 по 1972 годы работал на стройках Ленинграда, вернувшись в ЛГУ в 1967 г., но уже на вечернее отделение.

Новые факторы культурного становления юношества

Обновление, либерализация всех сторон жизни в СССР, или так называемая «оттепель», — это был, как известно, главный из внутренних факторов политического и культурного формирования молодежи и — не только молодежи... Из внешних, всемирных обновлений, сыгравших роль в культурном становлении молодых людей, следует назвать научно-техническую революцию (НТР) и ослабление холодной войны между лагерем социализма и блоками капиталистических государств.

НТР. Почтение к естественным наукам отразилось в известной дискуссии «физиков и лириков». Широко были известны специалистам работы В.Н. Шубкина и коллег о предпочтении старшеклассниками вузов физико-математического и естественнонаучного профилей. Но не «в загоне» были тогда и «лирики» [17, с. 13]. Голоса поэтов-шестидесятников звучали как никогда свободно и громко. И среди «физиков» оказалось гораздо больше подлинных, высоких, разумных «лириков», ибо они не зависели в своей лиричности от славолюбия и от гонораров.

Революционным было развитие электронных СМИ. Это дало массам возможность знакомиться с образцами высокого искусства, сделало более убедительными информационные и агитационные материалы... Для молодежи главным было совершенствование и большая доступность звукозаписывающей и воспроизводящей бытовой техники. Начиналась «эра» музыкального и псевдомузыкального преобладания над Словом. Тогда — только молодежного, в основном — под влиянием извне.

Разрядка международной напряженности и приоткрытие «железного занавеса» для западной культуры. Сразу после 1953 г. настало время более гибкой и открытой дипломатии, усиленное собирание вокруг СССР всех миролюбивых сил. *Арабскую социалистическую партию Баас*

мои старшие товарищи из Ленинградского Истпарта¹ называли арабскими эсерами, перспективными союзниками на данном этапе...

В первомайских колоннах 1962 г. мы, восточники ЛГУ, свободно пели: «...А подлый Мобуту... зачомбил Лумумбу!.. / Хаммаршельд, правитель хренов, / Покровитель бизнесменов, / Где ты был, где ты был? / Что ты в Конго натворил?». Мы надеялись, что политические сдвиги расширят культурные окна на Запад. И мы увидим не только прогрессивных: безбожника Жана Эффеля, насмешливого Херлуфа Бидструпа, воспевателя гренландских просторов Рокуэлла Кента, размашистого Ренато Гуттузо, но и заветно-запретных западных абстракционистов. И мы таки увидели кое-что, например, на выставке «Американская графика», пусть не абстрактное, но хоть не заостренное идеологически. Главными же источниками были редкие обличительные монографии по западному искусству, да черно-белые альбомы в магазине литературы стран народной демократии...

Международная политика СССР опиралась на незыблемые основы, понятные нам с детства: братство идейное с трудящимися всех стран, уважение к инациональным культурам внутри страны и вне ее, протест против всех видов национального, в том числе колониального гнета, против расизма в США, апартеида, в частности в ЮАР. «Свободу Манолису Глезосу, ...Анджеле Дэвис!», — требовали советские люди в ответ на призывы западных демократий освободить узников совести СССР. Мы, молодые преподаватели исторического факультета ЛГУ в начале 1970-х гг., подпевали студентам на демонстрации: «Я сигару закурил / Ту, что Никсон подарил. / Пусть не думает..., / Что обманет наш народ. / Куба будет строить социализм! (три раза)...».

Народный стишок прославлял интернациональное значение русского напитка: «“Водку надо пить досыта”, — / Сказал Хрущев Никита. / “В водке есть витамин”, — / сказал Хо Ши Мин. / “И жито”, — добавил Иосип Броз Тито. / “Водку надо пить в меру”, — / сказал Джавахарлал Неру...». Характерным тут было сведение в одну компанию лидеров обособившихся от СССР стран социализма и движения неприсоединения...

Многое в мире внушало надежду на грядущее торжество коммунизма. Победа революции на Кубе воспринималась как наш прорыв в Новый Свет. И народ ласково прозывал Фиделя Кастро русским разведчиком Федором Кастрюлей. Не хотелось верить в серьезность разногласий с руководством КПК. Но в конце 1960-х, после провокаций на границе, поверить пришлось... А уж как мы потешались, узнав о дальних заплывах Председателя Мао². И не спешили соглашаться

¹ Институт истории партии Ленинградского обкома КПСС. — Прим. ред.

² В 1966 г. в возрасте 73 лет Мао Цзедун совершил знаменитый заплыв через реку Янцзы с помощью большой сети, которую под ним удерживали два катера. После демонстрации молодецкой силы вождь атаковал либеральное крыло партии и начал культурную революцию.

с китайской критикой нашего социализма «слева». О евро-коммунизме доносились только неясные слухи, но и их было достаточно, чтобы главные надежды возлагать на национально-демократические силы «третьего» мира... Тем более что тамошняя литература и искусство воплощали энергию долгожданного освобождения от кровопийц-колонизаторов. Напомню, что по книге П. Абрахамса даже поставили балет «Тропую грома».

Мощными средствами в этом плане были журнал «Иностранная литература» и книжная серия «Зарубежный роман XX века». Публицисты-международники не могли сказать сильнее о крови и грязи, в которых тонули латиноамериканские диктатуры «горилл», чем М.А. Астуриас. Мы радостно удивлялись президенту-поэту Сенегала Л.С. Сенгору. О «зеленой длинной ящерице с глазами, как влажные камни» — о Кубе — бархатно читал нам стихи Николаса Гильена Вячеслав Сомов. Каждый сезон он открывал: Эриха Кестнера, Раймона Кено, Ленгстона Хьюза, голоса поэтов из Тимбукту и Фернандо По...

Мой отец ненавидел коммунизм, но Назым Хикмет своим талантом это неприятие преодолел, и я унаследовал радость восхищаться и сострадать судьбе и позднему творчеству поэта. Вал публикаций зарубежных, в том числе скандинавских (Т. Весос), югославских (М. Селимович), греческих (М. Александропулос) писателей, пусть даже «прогрессивных», размывал разводы лжи, коими был разрисован с нашей стороны стеклянный занавес между Востоком и Западом. Незабываемы с тех пор Ж.-П. Сартр, Грэм Грин, Дж. Стейнбек, Г. Белль, Ф. Саган, а ближе к концу 1960-х — Симона де Бовуар, Робер Эскарпи... Но общим солнцем нашим был Хемингуэй. И мы, читающие РВ, становились людьми не только СССР, но и мира. Воочию, ибо рядом с литературой шла череда итальянских, французских художественных кинофильмов мирового класса.

Позиции иностранной музыкальной культуры также укреплялись в 1960-е гг., в основном для молодежи, посредством вынужденного допуска в СССР высоких и не очень образцов западной эстрады. Но граммофонные артели в конце 1950-х годов ликвидировали, а монополист — созданная в 1964 г. фирма «Мелодия» — строго дозировала соотношение записей легкой музыки по ее происхождению — из стран и с Запада...

Зарубежный театр был отделен от нас языковым барьером. *Но не забыть сверхчеловеческую силу трагедийного таланта Аспасии Папатамасиу, приехавшей с Пирейским театром и посетившей филфак ЛГУ.* В этом прекрасном ряду были: Марсель Марсо, Ж.-Л. Барро, Ахилл Завата, Бенни Гудман, Махалия Джексон, Дин Рид и Джоан Баэз. А еще китайский цирк, американская оперетта, перуанский соловей — несравненная «четырёхоктавная» Има Сумак...

Об успехах западной науки мы знали меньше. *Но визит в ЛГУ гремевшего в 1961 г. итальянца Даниэля Петруччи, который провел искусственное оплодотворение человеческих половых клеток, произвел и на молодых гуманитариев сильное впечатление.* Весть о первой пересадке сердца Кристианом Барнардом пришла в 1968 году, из ЮАР...

Узнавание же отечественной культуры стало на 10–15 лет второстепенным из-за увлечения именно в 1960-е гг. творчеством мастеров культуры Запада. Далеко не всем из них был открыт вход к советскому читателю, зрителю. Но настоящие, пусть даже поощряемые, мастера той культуры воздействовали мощно. *Моя старшая дочь была в восторге, когда я пытался напеть ей «Ноченьку» и «От края и до края...» так, как это делал 50 лет назад родной советским людям Поль Робсон... Эротично и энциклопедично увлекал приторно-пряный Фейхтвангер. К великому братству людей труда звал несгибаемый Эрнст Буш, чьи марши туманили не одну юную голову, мечтавшую о такой же великой железной России, как Третий рейх, но... без массовых репрессий (!?).*

Столь причудливое сочетание культурно-политических предпочтений оказалось возможным? Да, ибо наше официальное искусство, пронизанное коммунистической идеологией, казалось уныло-прогрессивным. От слов «любовь к народу», от лозунга гражданственности (= революционности) с души воротило. Как и от безобидной, казалось бы, борьбы за мир и разоружение. (*«Армянское радио» отвечало ядовито на вопрос: «Будет ли мировая война?» — «Нет. Но будет такая борьба за мир, что камня на камне не останется».* И в это можно было поверить.)

А не верили мы многому! Ни в школе, участвуя в заорганизованной переписке с пионерами-тельмановцами; ни видя в прессе фото детей в рубище на помойках в США; ни слыша сюсюканье наших идейных «поэтов» по поводу парня с Тринидада по имени Ленин, которого там отказались крестить, а потом не принимали в школу. Лучше было наше отношение к партизанам, в частности, из Латинской Америки, да и ко всем борцам, где бы то ни было в мире, против янки, против старых колониальных держав. Тут импонировал культ оружия, романтика становления молодых наций. Портреты Че Гевары чаще висели в комнатах наших, чем портреты Кастро, ибо последний уже сидел в председательском кресле... До сих пор не забыты имена красного принца Суфанувонга, Хулиана Гримау, капитана Конг Ле, полковника Кааманьо... Ослепительная молодая улыбка Гамаль Абдель Насера напоминала о пенсионном возрасте наших руководителей.

Имперское советское сознание и тяга к западным демократическим ценностям переплетались. С одной стороны, *когда благополученький на вид преподаватель истории КПСС Н.С. Шнейвас на Востфаке ЛГУ в сезон 1961/1962 г. рассказывал с гордостью, как они, советские войска, в 1945 г. пулеметами грозили венгерскому парламенту, нам это было любо.* С другой, — когда в Италии и во Франции (до 1958 г.) шла

чехарда кабинетов, мы тоже злорадствовали: у нас-то во власти все прочно. И самокритично посмеивались над анекдотом: «Американец: “У нас демократия. Стой перед Белым домом и ругай Эйзенхауэра”. Русский: “У нас тоже, стой на Красной площади и ругай... Эйзенхауэра”».

Выполняя июньское (1958 г.) постановление ЦК КПСС «Об улучшении освещения в советской печати и по радио жизни социалистических стран», Всесоюзное радио передавало концерты монгольской музыки, программу «Говорит Пекин» (июль 1963 г.). В «Детгизе» выходили сборники Тувима, Незвала, Эминеску... «Я болен Африкой», — признавался стихотворно М. Матусовский; Я. Хелемский хвалил в стихах простых сенегальцев, стороной обходящих стриптиз-бар в Дакаре; Я. Белинский описал, как строго, дерзко и мудро смотрят негры в чопорном Лувре на европейскую классику. Бумага терпела все [5, с. 212–213; 266, 269]. Совсем по-другому о 1960-х гг. позже писал РВ «Эдичка» Лимонов — как о суровой школе, заводской и психбольничной, которая помогла ему не сломаться потом в бандитском Гарлеме [11, с. 110].

Интернационализм большинства РВ проявлялся в пренебрежении к крохоборству старших, шипевших против советской помощи странам-друзьям и возможным союзникам, во вражде к расчетливому, классово-ограниченному интернационализму наших властей; в неприязни к «расейскому Хаму-шовинисту»; в дружбе всех высланных Сталиным народов, и потому — в частичном признании правоты националистически настроенной интеллигенции некоторых народов СССР. Замечу, кстати: ходил слух, что некоторые молодые евреи ликовали по поводу успехов Израиля в войне 1967 года. Это даже на бытовом уровне воспринималось как измена государственным интересам СССР. Но очередная заметная волна антисемитизма тогда не поднялась. Ибо не ситуативные поводы, а политика КПСС на каждом этапе и традиционные сферы воспроизводства культуры определяли отношения между нациями и народностями СССР.

Традиционные сферы воспроизводства и передачи культуры

Образование. РВ учились в школах в 1950-е гг. Объемы внедряемой информации тогда были меньше, структура преподаваемых дисциплин и методика преподавания по ряду предметов — проще. Откликом на новизну в картине мира было введение в школьные программы основ ядерной физики, химических технологий и расширение круга математических знаний. В условиях «оттепели» труднее, вероятно, стала задача поддержания внутреннего порядка. *Слабым местом была (и есть?) неспособность использовать в учебных целях историю науки, ее заблуждений и открытий...*

Мне казалось тогда, что только география не нуждалась в талантливом преподавании. Стоило ступить на волшебный ковер из физико-

географических карт, начать кругосветку по страницам справочника [9] — и мир открывался... Во многих домах лежали книги М. Зикмунда и И. Ганзелки, Тура Хейердала, Ж.-И. Кусто... Советского читателя привлекала не только экзотика, но и тон, ненавязывание идеологических схем. Последние в избытке присутствовали в преподавании истории КПСС, экономических и философских дисциплин в вузах.

Многие из нас пришли в высшую школу сами. А кого-то пригнали родители; одни — в заботах о продолжении семейных традиций, другие — ради обретения чадом более легкой и выгодной работы, чем у старших. Причем в семьях, считавшихся интеллигентными, мирлись с избранием отпрыском почтенной, хотя и «неденежной» профессии. В семьях попроще подталкивали подросших детей к практически выгодным профессиям, занятиям. Престиж высшего образования был еще бесспорным. И все же не только герои пьес В. Розова, но и десятки тысяч обычных ребят и дев забирали документы из приемных комиссий и шли в райкомы комсомола за путевками на стройки века.

Между тем в школах, техникумах и вузах шла «политехнизация». Для «технарей» это оборачивалось работой днем и учебой вечером, во всяком случае на отдельных курсах. *Но я-то поступал на гуманитарные факультеты, сначала в 1961, потом в 1967 гг.*

Проблемных ситуаций как «метода преподавания» на восточном и историческом факультете ЛГУ не помню. Мнение учебников было вполне авторитетным, а курсы лекций сложившимися. Только политэкономии социализма в связи с хозяйственной реформой второй половины 1960-х гг. приходилось изучать по лекциям, печатаемым в «Экономической газете». История, особенно разделы учебников по истории Нового и Новейшего времени о классовой борьбе, оставляли слабый след... Продолжавшееся использование мелкой частной инициативы в соцстранах вселяло сомнения в правильности отказа от НЭПа в СССР... Думалось, что и коллективизацию можно было провести мягче... Отношение к сталинским репрессиям было, естественно, резко отрицательным... Великая Отечественная война воспринималась по слухам о книжке А. Некрича³. (По слухам, ибо книги мы покупали редко.) И единство образовательных программ, и целенаправленность издательской политики выравнивали средний уровень культуры «масс». Хотя возрастные, поколенческие пристрастия сказывались.

Роль семьи и близких в культурном, нравственном формировании уменьшалась по мере взросления РВ. Но поколению трудно было вполне избавиться от груза семейных взглядов, традиций, заложенных родителями 1900–1910-х гг. рождения, зачастую — менее образованными. Взгляды эти нередко сильно отличались от официально

³ Имеется в виду книга: Некрич А.М. 1941, 22 июня. М.: Наука, 1965. За книгу автор подвергся гонениям, а сама книга была изъята из открытого доступа и переиздана в России в 1995 г. — Прим. ред.

внедряемых. И это беспокоило руководство. Учитывая занятость родителей в общественном производстве, на самом высоком уровне не раз высказывалось намерение перенести центр тяжести воспитания в закрытые учебные заведения. Сеть интернатов гигантски расширили, чтобы дети не впитывали пережитки проклятого прошлого во дворах, бараках и коммунальных квартирах. На практике дело уперлось, в частности, в нехватку идеальных воспитателей. Да и возрастная психология указывала на незаменимость семьи как среды воспитания. (Семья, однако, в эти же годы теряла прочность.) В большей мере здесь воспроизводились нравственные принципы, образы действий. В меньшей, в связи с «оттепелью», юными усваивались культурные ценности старшего поколения.

Однако именно с них начиналось формирование нашего культурного багажа. В лучшем случае нам читали вслух, в среднем — не мешали читать. Старшие при нас редко говорили «о культуре». Главное воздействие они оказывали своими вкусами, предпочтениями. Они пели или напевали, по праздникам танцевали — по-разному, или хотя бы хотели танцевать и хотели, чтобы мы это умели. Пожалуй, деревня с ее частушками и танцами в клубе в этом деле обгоняла город... *Но ведь и здесь, конкретно — под Ленинградом, в дер. Лампово (где в начале 1960-х годов еще не зажглась лампочка Ильича) наиболее рьяные «чуваки» (= человек, уважающие американскую культуру) из числа первокурсников Востфака ЛГУ на картошке, пытались плясать рок-н-ролл в керосиновой полутьме клуба.*

После детства в нас властно вторгалось новое, иногда безвкусное, низкопробное, чуждое, — например блатные песни под гитару. (*Бульвар Дворцовой набережной, группы слушателей вокруг поющих гитаристов; рядом с одним — напарник стонет в электропатрон, имитируя завывания саксофона...*). И мы защищали это новое, нередко хорошо того не понимая. Впрочем, не было ли оно новым только для нас?.. Но самоутверждение отступало на второй план, сталкиваясь с более серьезными заботами второй половины 1960-х, когда для РВ начиналось время создания своих семей.

Может быть, в 1960-е годы любовь между «М» и «Ж» стала проще, свободнее; дружба же оставалась большой земной ценностью. Особенно после ослабления традиций доносительства по поводу высказываний друга искреннего...

Материалов «на темы морали» в СМИ, наверно, стало больше, чем в предшествующий период. Так, неожиданным вкраплением в статью о сельской девушке выглядело бережное упоминание о том, что она не только передовик и душа общественных дел, но и верна памяти любимого... [18, с. 28].

Третья среда традиционного культурно-нравственного формирования молодых — *круги внесемейного повседневного неформального обще-*

ния — у одних более разнообразного, у других — менее. Но, в общем, речь идет о коллегах, однокашниках, соседях, с которыми поддерживается приятельство сверх необходимого общения. Повезло тем из нас, кто вырослел в общении с умными, бывальыми отцами-фронтовиками, повидавшими относительно благополучную Центральную Европу, что приуменьшило их восторги по поводу счастливой и свободной жизни в СССР...

В простецких же слоях продолжала существовать фольклорная культура, зачастую не только не признающая главенство официальной, но злобно-сатирно-матерно уничтожающая последнюю. *Мат стоял столбом на моей памяти и в цехах, и на стройке, а уж про Псковскую деревню и говорить нечего, там лаялись с ранних лет.* Ибо в таком «лаянии» пролегал последний рубеж свободы и независимости сознания народа. А в чем-то компенсировалось отсутствие подцензурного полового просвещения. Или — сухость атеистического. (*«У попа была кобыла / У кобылы — восемь жил / Как, бывало нае...емся, / Так без памяти лежим»; «На горе стоит больница, / Не пойду туда лечиться — / Там лежит один больной: / Я...ца медны, х... стальной...». Или: «Девушки, а девушки / Где берете денежки? / — Через ж... восемь раз — / Вот и денежки у нас...».*)

Трудноуловимыми для социологов культуры, но порой более важными, чем традиционные каналы, бывали десятки и сотни встреч, впечатлений, мнений, оценок и т. д. И культура базовая передавалась не только родными и близкими, но и в целом окружавшими нас людьми, то есть частью *народа*. Разница меж нами, молодыми, была лишь в мере приобщения к нему. *Застрело в памяти хлесткое двустипшие И. Кобзева: «Вышли мы все из народа, / Как нам вернуться в него?..».* Это был камешек в свой огород образованцев, возомнивших себя парящими над «простыми людьми».

Партия видела опасность превращения интеллигенции в касту. И с 1959 года преимущество при поступлении в вузы было предоставлено рабочим, колхозникам и отслужившим в армии. Программа КПСС предусматривала возможность получения высшего образования всеми желающими. *Подразумевалось — и могущими.*

Как отмечалось психологами, в частности Э. Эриксоном, в этот возрастной период у молодых формировалась окончательно эгоидентичность [см.: 15, с. 100]. Успокоением, а то и радостью бывало для одного полное растворение в массе, для другого — только внешнее. Главное для большинства молодых — не казаться старообразным. И тут уж пускались, кто во что горазд. Нет в продаже джинсов — прострочим, как Эдичка Савенко, яркой ниткой швы обычных брюк; для дев — только не мамина прическа, а «Бабетта» или «венчик мира», с которым жену известного поэта и журналиста И. Померанцева, впоследствии эмигрировавшего, поймали дружинники и пытались подстричь... [16].

То есть, обостряется конфликт между старой, официальной (как массовой, так и высокой!) культурой и — новой, групповой, которая в других местах Земли уже массова и состарилась. Песни в защиту мира, во славу КПСС еще звучат, но уже не наполняют, как в детстве, верой в несокрушимую мощь. Идеологическая машина все с меньшим успехом внедряет в наши души молодежную официальную культуру предшествующего поколения! *И только два человека, насколько помню, публично заявляют:*

- молодежь в награду за свой трудовой вклад имеет право на свою культуру, вкусы, моду (Н.П. Акимов) [1, с. 344];
- беда, если современный парень начинает прикидываться таким, каким я был в его возрасте на фронте (М.А. Дудин): «Не играй меня, мальчик, не надо, — / Я и сам доиграю себя» [6, с. 120].

Герой фильма «Мне 20 лет» Сергей чувствует себя чужим на вечеринке в кругу «золотой молодежи». После этого происходит необычная «встреча» Сергея с погибшим отцом. Сын просит совета — как жить? Но отец погиб в двадцать один год, и ему незнакомы проблемы послевоенного 20-летия. Официальная критика обвинила авторов фильма в противопоставлении отцов и детей... Все же важный рубеж был взят — не только Революция, а и Война становилась одной из главных точек отсчета истории, прежде всего для молодых. На это нацеливали руководящие доклады, обогащение практики празднования годовщин Дня Победы.

Партийно-государственные рычаги управления культурой.

Таковыми были акты, регулирующие сферу информации, просвещения, художественного творчества. Были и руководящие речи и статьи, реплики, оценки отдельных произведений, изрекаемые в более-менее публичной среде, даваемые в деловой переписке. Деятели культуры, наиболее чуткие к злобе дня, живо откликались на призывы партии и комсомола к молодежи. Многие РВ воспринимали этот шум как издержки огосударствления искусства. К середине 1960-х мы знали, в основном по слухам, о всемогуществе редакторов, о выставках, о цензуре, о соцзаказе, соцгерое и т. д. Политическая система организовывала культурное строительство, не ограничиваясь, конечно, запретами. Надо вспомнить создание в 1960-е годы ряда общественных организаций культурного профиля и внедрение общественных начал в культурную жизнь. Достаточно назвать университеты культуры. Профессиональная литература, «государственное» искусство то дополняли, то опровергали, полностью или отчасти, явно или подспудно, политико-воспитательные усилия политсистемы и ее деятелей.

Литература и искусство открывали молодым огромный мир. Но их воздействие, даже при единообразном посыле, было разным для

разных регионов, культурных кругов и уровней населения, а значит и молодежи. Так, существенно различались по количеству посещений театров и по художественной ценности посещаемых спектаклей два слоя рабочей молодежи Ленинграда — коренной и недавно приехавшей в город [20, с. 34–35]. Сдается мне, что давнее прошлое, узнаваемое из учебников, не было для большинства осознаваемым фактором патриотизма, ибо мы жили не на Руси, а в СССР. Но о древности напоминали литераторы. *На одном полюсе политики находился идейно правильный Дм. Кедрин с душераздирающей поэмой об ослеплении царем строителей храма Василия Блаженного, на другом — В. Соснора, живописавший бой Мстислава Храброго с касогом Редедей. Главным делом литературы было воспитание чувств, а не расширение исторического кругозора. Цепочки литературных интересов возникали зигзагообразно. От Назыма Хикмета — к Витезславу Незвалу... От интереса к молодым арабским революциям — к их прозе... От первых сильных влюбленностей — к «Антоновским яблокам» и «Темным аллеям»... От таимой мечты о славе — к освоению книжной серии «Имярек в воспоминаниях современников»... Но были и неодолимые (для большинства?) тома: французы-классики, на коих до Лицея воспитывался Пушкин; античные писатели для театра, Библия, «Капитал», «Фауст», Байрон...*

О рубеже веков печально повествовал Чехов, насмешливо — король фельетонистов Дорошевич, по-журналистски живо — «дядя Гиляй»... Что-то нелестное мы слышали о всяких Мережковских, Розанове, Меньшикове... Зато А.Ф. Кони подавал отраду. Вместе с С.Ю. Витте холодно-презрительно мы оглядывали ряды восковых фигур последнего царствования. У А.С. Грина разочаровали обыденные, о быте подпольщиков-эсеров, рассказы. В 1958 г. стало можно прочесть «Зачарованную Десну». Восторгались генералом А.А. Игнатьевым. Джон Рид приземлил представление о «10-ти днях» 1917 года. В домах людей «из бывших» на видном месте лежала брошюра Г. Уэлса «Россия во мгле» и «Письма к русским эмигрантам» В.В. Шульгина. *Последнего довелось видеть и мне, изображая в киномассовке слушателя Ленинградской ВПШ в Таврическом дворце, где В.В. Шульгин стоял «Перед судом истории».*

Благодаря отмене запрета на издание «12-ти стульев» и «Золотого теленка» мы потом лет двадцать говорили цитатами из Ильфа и Петрова... Читая воспоминания А.Н. Вертинского, Л.Д. Любимова, Д.И. Мейснера, начинали постигать жизнь России на чужбине. *Городские (= промышленные) дела, заботы старших являлись нам со страниц романов Вс. Кочетова, В. Кожевникова, Г. Серебряковой... В самых разных домах можно было видеть тома публицистов об историческом визите Н.С. Хрущева в США («Лицом к лицу с Америкой») и незабываемый по новизне впечатлений однотомник Э.М. Ремарка.*

От всего перечисленного до национальной гордости было далеко. Ни Пушкин, ни балет Большого театра не могли тут быть аргументами. Такими, как водородная бомба, как космическая ракета... Мечталось не о том, чтобы, поселившись в книжке, побыть благополучным старшим приказчиком Ильей из повести Горького «Трое», пошедшим от скуки по кровавым следам Раскольникова, и уж конечно, не убогим князем Мышкиным, а, пожалуй, чистеньким Фрэнком Каупервудом из «Американской трагедии» (но — до убийства им подружки) или героем доброй половины рассказов О'Генри. Почему? Потому, видите ли, что **родная страна не мила и не интересна своей обыденностью**. А на Западе романтичен даже газ, проведенный прямо в мебелирашку. Если что не так — законопать двери и открой газовый краник. В предкрайнем случае — сиди допоздна в кафе, «там, где чисто, светло». И праздник пребудет всегда с тобой. Соскучишься, замерзнешь в Париже — кати на Фиесту в Памплону, — одно словцо чего стоит! И хлебай разного алкоголя без осуждений общественности, эдак мужественно!

Таким образом, «западная культура» несла в себе и «Золотые плоды», и тлен. Мало нам было расейского пьянства, так еще и, читая, мысленно стали «употреблять». И оно стало для многих РВ и не РВ образом жизни. Половина моих приятелей погибла тогда прямо или косвенно из-за пьянства. Без всякой войны...

Тема Войны не оставляла равнодушным и советского молодого читателя. Мы имели в 1960-е гг. книги советских писателей трех поколений, у каждого из коих была своя война. К старшему принадлежал, например, А.Н. Степанов. Выход из печати его «Порт-Артура» совпал почти с началом 1960-х. Но написанная в предшествующее 20-летие книга являлась эталоном советского изображения бесславной войны царской России. *И даже те, кто увлекался западной литературой, отдавали нередко свои часы этому (и подобным) бесхитростному повествованию «правильного» потомственного советского военного инженера.* Ведь детали быта, биографий, событий развлекали.

Но встречались исторические романы-озарения, например, «Смерть Вазир-Мухтара». *Открыв эту книгу сегодня, вижу, что был слеп, увлеченный в юности лишь слогом, несколько прыгающим, да отсутствием официального пиетета к автору «Горя от ума».* А ведь роман-то был о смене поколений! О том, как Николай I руками «детей», которые были старше «отцов» на два-три года, запустил бенкендорфовский механизм уничтожения людей 1820-х годов [21, с. 8].

«Лейтенантскую» прозу о Войне мы читали, закончив школу. 10–15 имен писателей поколения Отцов-фронтовиков прогремели на всю страну. Их романы пробивались с боями через цензуру, мертвящую критику, советы «доброжелателей», не нюхавших пороха. В одном послевоенном строю с прозаиками бились за правду о войне поэты-фронтовики: Глеб Пагирев, Василий Субботин, Вадим

Шефнер, Александр Гитович... Последний писал: «...*Нам едва ли / Друзьями станут те редактора, / Что даже свиста пули не слыхали, — / А за два года б услышать пора*» [3, с. 95].

Булат Окуджава допек своей песней из «Белорусского вокзала» командиров из Главполитуправления Вооруженных Сил СССР, и песня стала признанным маршем. На страницах этой литературы Отцов место РВ было среди тех, кого отцы защищали, теряли под бомбами, от голода, в массовых казнях на оккупированной земле, от голода и болезней в эвакуации... [12, с. 218]. Почти вровень с молодыми фронтовиками шли шестидесятники, захватившие своей памятью беды Войны:

«Не каркай, ворона, не каркай... / Мне рано еще умирать. / Я ночью ийду с санитаркой / В зеленую рощу гулять... Воспряну. / Восстану. / Воздух глотну, как вино... / Забуду, что больше не встану. / Забуду, что умер давно» [19, с. 19].

А когда мы не грустили, то повторяли другие строчки Юрия Смирнова: *«По утрам в поликлиники / Все спешат шизофреники. / Среди них есть Ботвинники / И Кавказские пленники, / Короли и карасики, / Пауки и тычинки, / А приятель мой — часики, / Только что из починки...»*.

Окололитературные мальчишки и над собой умели посмеяться:

«Какая чудная земля вокруг залива Коктебля — / Колхозы, ...ля, совхозы, ...ля, природа. / Но портят эту красоту / Сюда приехавшие ту- / Неядцы, ...ля, моральные уроды... / Сегодня парень «Твиши» пьет, / А завтра планы продает / Родного, ...ля, родного, ...ля, завода. / Сегодня ходит в бороде, а завтра где? — В энкавэде / Свобода, ...ля, свобода, ...ля, свобода...».

На мотив «Из-за острова на стрежень» распевали: *«В 95-й твой автобус / Я не сяду никогда, / А лучше сяду я на глобус, / Где моря Черного вода...»*. (Лишь недавно кто-то вразумил: тут-де не абстракция, просто вы, ребята, хотели погреться в Крыму.)

Верх изысканности заключался в абстрактных анекдотах: *«Стоит очередь за шуриками и муриками. Человек просит: “Мне полкило шуриков”. — “Нет, — говорят, — остались одни мурики”. — “Ладно, давайте полкило муриков”. Дома открывает пакет, а там — одни шурики»*.

Я-то крутился около филфака ЛГУ, Дома актера, Дома писателей, как-то чувствовал форму произведений, но для большинства что-то читавших, кроме книг про шпионов, важнее было содержание. И нам все было мало — еще, еще дайте критики культа!

Самой благодатной почвой для этого было, после литературы о ГУЛАГе, описание деревни, обескровленной Войной и доведенной до нищеты налогово-ценовой политикой позднего сталинизма. Через десятилетия новомирская критика назвала это направление

«реставрационным», разбуженным «оттепелью». Но сразу пошедшим дальше [13, с. 212].

Здесь были самые крупные таланты прежде всего русской советской земли. По поколенческому счету это были старшие «шестидесятники» и их отцы. Но миссия писателей-деревенщиков, драматичная с самого начала, закончилась такой же пустотой, как мечтания городских авторов-«либералов» о демократическом социализме. Ибо отклик литература о селе имела в основном читательский — среди людей, ничего не решавших. Ратуня за сохранение Лада, деревенщики-пророки выступали от своего имени, а не от имени сельского люда, далеко не всегда согласного с ними. Мы, горожане, сочувствовали деревне-кормилице. А практически, приезжая на «шефские» работы в деревню, очередное поколение студентов, рабочих и служащих, в том числе и РВ, старались не переламываться, благо в городе шел средний заработок.

От деревенской прозы нарастало лишь чувство безнадежности, необходимости разрушить советскую сельскохозяйственную систему...

Круг нашего «оттепельного» чтения не ограничивался, конечно ни западной прогрессивной, ни своей почвенной литературой. Кого печатали, например, в 1963 году?

Издатели заботились об удовлетворении самых разных вкусов и интересов. В журнальном списке новинок немногие могли обратить на себя внимание претенциозного, но слабо начитанного РВ, каким был, например, автор сих строк: *Ю. Мадер об Отто Скорцени, Б. Полевой «На диком берегу», стихи Ф. Вийона, «Голоса 3-х тысяч островов» — стихи индонезийских поэтов, «Театр» Б. Брехта, «Записки» Ю.М. Юрьева, книги В. Каверина, В.А. Обручева, Алана Силлитой. Итого лишь 9 имен и наименований из 156. Для 20-летнего РВ с неполным высшим образованием — ничтожно мало. Однако ведь в полторы сотни новинок входили десятки незначительных, «ограниченно годных» книжонок вроде «Познай ближнего» С. Леонова или «Из революционного прошлого Камышина» С. Мантурова... [14, с. 287–289].*

Составители журнальных планов делали ставку на незабытые и сегодня любителями литературы имена. «Новый мир» (тираж — 113 тыс. экз.) обещал на 1964 г. подписчикам произведения К. Федина, О. Берггольц, Г. Владимова, В. Дудинцева, В. Фоменко, Е. Дороша, А. Солженицына, Ю. Бондарева, А. Бека, воспоминания генерала А. Горбатова, академика И. Майского, И. Эренбурга. В списке запланированных к изданию были также вещи Ч. Айтматова, Г. Бакланова, В. Войновича, Е. Драпкиной, С. Залыгина, В. Каверина, В. Некрасова, В. Овечкина, В. Пановой, К. Паустовского, И. Соколова-Микитова, В. Тендрякова, А. Яшина... Что ни имя, то — личность. Богатое время! Из 25 имен к деревенской прозе относилась примерно пятая часть.

Книжная полочка издательства «Правда» от 7 июля 1963 г. была уже, но и привычнее — без сомнительных для зорких идеологов имен: С. Антонов, М. Гусейн, Н. Дамдинов (пер. с бурятского), Т. Донжашвили (пер. с грузинского), Е. Исаев, С. Капутикян (пер. с армянского), В. Кожевников, В. Лацис (пер. с латышского), С. Михалков, рассказы татарских писателей, Л. Первомайский (пер. с украинского), Б. Ручьев, Ю. Рытхэу, М. Турсун-заде (пер. с таджикского).

Культуролог датирует начало книжного «бума» серединой 1960-х гг. [22]. *Мне помнится, это пришло позже.* И надо отдать должное издательской политике в СССР — в разделе беллетристики во все десятилетия отечественная дореволюционная классика занимала первые места по количеству изданий и тиражам. Это было действенным средством против более полного оболванивания советских людей всех поколений потоками примитивной литературы, производимой на свет, в частности, областными и республиканскими авторами и издательствами. «Секретарская» проза в Центре служила им политическим компасом...

Политика, как всегда в советское время, понижывала все...

...но особенностью 1960-х гг. было робкое восстановление в правах всечеловечности, «абстрактного гуманизма» некоторыми, близкими нам, но критикуемыми сверху авторами. Потому мы и росли менее оголтелыми. В начале 1960-х гг. молодой гуманитарий «из служащих» мог сострадать на спектакле «Бег» наравне с потрясавшим Н.К. Черкасовым — генералом Хлудовым — кому? Повешенным им рабочим? — Да. Но и тому же белому генералу-вешателю, потому что он — тоже русский человек, попавший в эту нашу страшную «историю». В 1960-е гг. и «заграница нам помогала» вспоминать о всечеловечности — Дж. Сэлинджер, Г. Белль... Нравственных опор в эти годы становится больше. Это — ненависть к баю-раису, погубившему коня Гюльсары (сравни с «Холстомером»). Но и добрый призыв защищать Добро кулаками в мирной жизни. Положительные герои становились в книгах ершистее, даже в сусальной «Библиотечке юного ленинца».

Политэкономическая антропология 1930–1940-х гг. («Я и лошадь, я и бык, / Я и баба, и мужик») была еще практически необходима. Молодежь также была призвана найти романтику и место для героизма на каждом рабочем месте. Поэтому печаталось жутчайшее: «Ты знаешь нежность чугуна / Пока не льется он в изложницы», — вопрошает «поэт» и хочет коснуться его как тела трепетного женщины (уф!). А поэтесса подбавляет девушкам романтики кирзовых сапог, рая в палатке: «Чтобы муж не нежным, а лешим / Возвращался, кляня неполадки...». Но рядом — чистая женственная героиня Оленьки Фокиной из вологодских лугов, а в городе С. Орлов не осуждает текстильщиц

за прически «под Брижит». Кое-кому из них и самим стыдно. «Зачем помадой пачкаю румяные уста? — кокетливо недоумевает прибывшая в столичную жизнь из села Св. Евсеева [5, с. 112, 256, 228; 4, с. 87].

Вероятно, сельские люди доверяли руководящей критике непонятных произведений абстракционистов, сюрреалистов и проч. Из городских же, думаю, не я один тогда тянулся к непризнанной властью «левой» живописи — из пристрастия не к ней, убого-эпигонной, а к принципу творческой свободы. Но возможность приобщения к подлинной культуре зависела также от наличия свободного времени и хотя бы небольших карманных денег — не на букеты балеринам, а на билеты в театр, на книги, на периодику.

После учебы, работы (а то и вместо учебы, работы) у молодого литературного гурмана было время для хождения по выставкам, для сидения с умным видом (пусть и без знания языков!) на секции художественного перевода Ленинградского отделения Союза писателей, внимая будущему парижанину Е.Г. Эткинду, бровастому Поэлю Карпу, супругам Бетаки, вскоре эмигрировавшим в Африку (!), еще не посаженному Константину Азадовскому... Но живи я тогда не в Ленинграде, а где-нибудь в поселке, что бы я сегодня вспоминал? — Кино и танцы, да как дрались около клуба...

При чем тут политика? А при том, что преодоление существенных социальных различий между городом и деревней входило в коренную задачу социализма как уничтожения классов.

В 1962 году Политика и Культура соединились: в гордости молодых (и не очень) поэтов своим происхождением от дореволюционных грузчиков, вставших под красный флаг (В. Лазарев), в «стихе»-цитате из Программы КПСС: «Я — Труд, я — Мир, Свобода...» (Л. Чикин) и в стихах о съезде, где ее принимали (А. Жариков)... [5, с. 13, 262, 270; 8, с. 1].

Воспитанные администраторами и идеологами, искавшими политику во всем, мы поступали так же. М. Квливидзе писал всего лишь о тамаде, но хотелось думать, что метит выше: «Вот он поглаживает пузо, / он рад — обычай соблюден, / а за словами — пусто, пусто, / и в голове какой-то звон!» [10, с. 31]. К концу десятилетия Евтушенко так «врезал» властям, строю, что стал одним из главных разрушителей того, что хотел, вероятно, только очистить. Бил по царизму, попадал в советизм: «Когда вгоняют в гроб поэтов / и правит серое ничто, / ни Пушкин и ни Грибоедов / как воспитатели — не то». «Кто Россию травит? / Кто Россией правит? ...Нынче водка на Руси, / как императрица!» [7, с. 10, 71]. *Встать рядом с «Евтухом» пытались многие, но далеко не всем мы, РВ, верили. Да и завидовали ему, что греха таить.*

К середине комсомольского возраста мой ровесник решал: широкими или тесными воротами входить, например, в литературу. Большинство направлялось к широким. Было ли оно лицемерным?

Кто знает? Не мне осуждать молодого почтальона А. Зауриха, писавшего на втором году космической эры: «Я спешу к адресатам, / в щели письма сую... / Утро, я словно атом, / ввергнут в бучу твою» [5, с. 9]. Тот московский День поэзии открывал В. Дагуров (1940 г.р.). Он писал о питомце Первой Конной, который «по числу врагов убитых арифметику учил», и об ответственности лирического героя перед ним... [5, с. 5–8]. Отражал ли сей поэт настроения части РВ? Как будто, да, судя по «правильным» ответам молодежи на опросы «Комсомольской правды». Но они характеризовали лишь авангард, активистов.

Мы же, из неславной когорты юных интеллектуальчиков, воротили нос от угождения официозу, чувствуя в то же время его в себе как геном, как первородный неустрашимый грех. Настоящих творцов-современников — как Кривулин, Бродский, Лена Шварц — было не так много. Зато они и остались в Поэзии, а мы канули в пьянство или в конформистское болото...

* * *

Трагикомизм 1960-х годов для СССР заключался в более открытом выявлении двойственности, в попытках соединить несовместимое в теории и практике развития социализма, да еще при постоянном мощнейшем давлении иной идеологии и культуры. В полной мере это исковеркало сознание и поведение молодежи того десятилетия, которая, пережив много разочарований в своей системе, в зрелом возрасте сначала поверила в возможность перестройки на социалистических началах, потом, увидев трудновыполнимость этой миссии, дала увлечь себя обещаниями рыночных благ и свобод. И — опустила руки в начале 1990-х годов, перед крахом социализма и СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акимов Н.П.* Ответ на анкету «Комсомольской правды» // Акимов Н.П. О театре. М.; Л.: Искусство, 1962. С. 342–344.
2. *Вишневский Ю.Р.* Эстетические вкусы рабочей молодежи // Молодой рабочий: «Ученые записки» Свердловского и Нижнетагильского пед. ин-тов. Вып. 43. Нижний Тагил, 1967. С. 85–93.
3. *Гитович А.* Стихотворения. М.; Л.: Художественная литература, 1966. — 292 с.
4. День поэзии / Сост. В. Бахтин и С. Ботвинник. М.; Л.: Советский писатель, 1962. — 234 с.
5. День поэзии / Гл. ред. М. Луконин. М.: Советский писатель, 1962. — 312 с.
6. *Дудин М.А.* «У меня не смертельная рана...» // День поэзии / Гл. ред. М. Луконин. М.: Советский писатель, 1962. С. 120.
7. *Евтушенко Евг.* Казанский университет. Поэма. Казань: Татарское книжное издательство, 1971. — 94 с.
8. *Жариков А.* Веди с собою // Сельская молодежь. 1962. № 1. С. 1–34.

9. Зарубежные страны: Политико-экономический справочник / Под ред. А.И. Денисова, Д.И. Игнатъева, Н.Г. Пальгунова. М.: Госполитиздат, 1957. — 991 с.
10. *Квливидзе М.* Возвращение к себе / Перев. с грузин. Е. Елисеева. М.: Советский писатель, 1967. — 32 с.
11. *Лимонов Э.* Муссолини и другие // Наш современник. 1992. № 3. С. 109–136.
12. *Липкин С.* Богородица // День поэзии / Гл. ред. М. Луконин. М.: Советский писатель, 1962. С. 218.
13. *Новикова М.* Символы / Новый мир. 1995. № 2. С. 202–217.
14. [Новые книги] // Новый мир. 1963. № 11. С. 287–289.
15. *Обухова Л.Ф.* Детская (возрастная) психология: Учебник. М.: Российское педагогическое агентство, 1996. — 374 с.
16. *Померанцев И.* Интервью русской редакции радио «Свобода». 2000. 12 апр. [Конспект интервью — в архиве автора статьи. — Ч.С.]
17. *Слуцкий Б.* Избранная лирика. М.: Молодая гвардия, 1965. — 32 с.
18. *Стукалов Н.* Извинитесь перед Анной Андреевной // Сельская молодежь. 1962. № 7. С. 1–34.
19. *Смирнов Ю.В.* Обруч. Книга стихотворений. М.: Советский писатель, 1969. — 68 с.
20. Театр и молодежь. (Опыт социологического исследования) / А.Н. Алексеев, О.Б. Божков, В.Л. Владимиров и др. М.: ВТО, ВНИИ искусствознания Минкультуры СССР, 1979. — 291 с.
21. *Тынянов Ю.* Смерть Вазир-Мухтара. Л.: Прибой, 1929. — 235 с.
22. *Шербаков А.* Прочитал — передай другому // Российская газета. 1999. 4 июня.

Дата поступления: 10.09.2016.

SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL.

2018. VOL. 24. No. 1. P. 132–151. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5717

Ch.E. SYMONOVICH

Independent researcher, St Petersburg, Russian Federation.

Cheslav E. Symonovich — Candidate of Historical Sciences, independent researcher. Address: 4, Apt. 11, Kolpino 5, Krasnaja str., 196655, St Petersburg, Russian Federation. **Phone:** +7 (812) 469-21-77. **Email:** cheslavs@yandex.ru

NOTES ON YOUTH CULTURE IN THE USSR IN THE 1960'S

Abstract. The author, while reconstructing the history of his generation — contemporaries of World War 2 — explores the youth culture of the 1960's. It was the final period of the youth socialization of WW2 contemporaries and others born in 1940's. Their external life conditions were changing rapidly, while the social environment was changing at a slower pace. They began to influence change in the forms and content of cultural processes. The term 'culture' is used here meaning the field of education, art, literature, everyday communication and partially the field of ethics.

The external factors which determined the cultural consciousness of the 15–25 year olds in Soviet Russia were as follows:

Information and facts from foreign cultures, which were often perceived in the USSR in a wrong way.

The Scientific & Technical Revolution — the result of a highly developed scientific culture which was used to influence the mass understanding of culture.

This article explores the significant locations, levels, and cells of society where the young people perceived cultural experiences: these were families, circles of friends, the army, work, educational collectives, sometimes containing dozens and thousands of individuals who were not familiar with each other.

The key essence of the text is in itself, as the conclusions that it draws are not original. The West has imposed on us not only the arms race and a search for allies, but also the consumer race, which infected the tastes and vanity of our youths with Western fashion, music and dance. It has also imposed the longing for an abstract non-class humanity onto the minds of the more thoughtful and sensitive individuals. These influences have contributed to the fall of the Soviet propaganda machine.

Keywords: “thaw”; “stagnation”; WW2 contemporaries; youth culture; formation of youth culture; politics; literature; art; cultural-political socialization of the youths.

For citation: Symonovich Ch.E. Notes on Youth Culture in the USSR in the 1960’s. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2018. Vol. 24. No. 1. P. 132–151. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5717

REFERENCES

1. Akimov N.P. The answer to the questionnaire of “Komsomolskaya Pravda”. *O teatre*. [About the theater.] Moscow; Leningrad: Iskusstvo publ., 1962. P. 342–344. (In Russ.)
2. Vishnevskii Yu.R. Aesthetic tastes of working youth. *Molodoi rabochii: “Uchenye zapiski” Sverdlovskogo i Nizhnetagil’skogo ped. in-tov*. [A young worker: “Scientific notes” of the Sverdlovsk and Nizhny Tagil pedagogical institutes.] Iss. 43. Nizhny Tagil, 1967. P. 85–93. (In Russ.)
3. Gitovich A. *Stikhovoreniya*. [Poems.] Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura publ., 1966. 292 p. (In Russ.)
4. *Den’ poezii*. [Poetry Day.] Select. by V. Bakhtin, S. Botvinnik. Moscow; Leningrad: Sovetskii pisatel’ publ., 1962. 234 p. (In Russ.)
5. *Den’ poezii*. [Poetry Day.] Ed. by M. Lukonin. Moscow: Sovetskii pisatel’ publ., 1962. 312 p. (In Russ.)
6. Dudin M.A. “I have not a fatal wound...”. *Den’ poezii*. [Day of poetry.] Ed. by M. Lukonin. Moscow: Sovetskii pisatel’ publ., 1962. P. 120. (In Russ.)
7. Evtushenko Evg. *Kazanskii universitet. Poema*. [Kazan University. Poem.] Kazan’: Tatarskoe knizhnoe izdatel’stvo publ., 1971. 94 p. (In Russ.)
8. Zharikov A. Lead with yourself. *Sel’skaya molodezh’*. 1962. No. 1. P. 1–34. (In Russ.)
9. *Zarubezhnye strany: Politiko-ekonomicheskii spravochnik*. [Foreign countries: A political-economic reference book.] Ed. by A.I. Denisov, D.I. Ignat’ev, N.G. Pal’gunov. Moscow: Gospolitizdat publ., 1957. 991 p. (In Russ.)
10. Kvlividze M. *Vozvrashchenie k sebe*. [Returning to yourself.] Transl. from Georg. by E. Eliseev. Moscow: Sovetskii pisatel’ publ., 1967. 32 p. (In Russ.)
11. Limonov E. Mussolini and others. *Nash sovremennik*. 1992. No. 3. P. 109–136. (In Russ.)
12. Lipkin S. Theotokos. *Den’ poezii*. [Poetry Day.] Ed. by M. Lukonin. Moscow: Sovetskii pisatel’, 1962. P. 218. (In Russ.)
13. Novikova M. Symbols. *Novyi mir*. 1995. No 2. P. 202–217. (In Russ.)
14. [New books]. *Novyi mir*. 1963. No. 11. P. 287–289. (In Russ.)

15. Obukhova L.F. *Detskaya (vozrastnaya) psikhologiya: Uchebnik*. [Children (age) psychology: A Textbook.] Moscow: Rossiiskoe pedagogicheskoe agentstvo publ., 1996. 374 p. (In Russ.)
16. Pomerantsev I. *Interv'yu russkoi redaktsii radio "Svoboda"*. [Interview with the Russian Service of Radio Liberty.] 2000. 12 April. [The summary of this interview — from the archive of the author of this article.] (In Russ.)
17. Slutskii B. *Izbrannaya lirika*. [Selected lyrics.] M.: Molodaya gvardiya publ., 1965. 32 p. (In Russ.)
18. Stukalov N. Apologize to Anna Andreevna. *Sel'skaya molodezh'*. 1962. No. 7. P. 1–34. (In Russ.)
19. Smirnov Yu.V. *Obruch. Kniga stikhotvorenii*. [Hoop. Book of poems.] Moscow: Sovetskii pisatel' publ., 1969. 68 p. (In Russ.)
20. *Teatr i molodezh'*. (*Opyt sotsiologicheskogo issledovaniya*). [Theatre and young people. (Experience of sociological research).] By A.N. Alekseev, O.B. Bozhkov, V.L. Vladimirov, etc. Moscow: VTO, VNII iskusstvoznaniya Minkul'tury SSSR publ., 1979. 291 p. (In Russ.)
21. Tynyanov Yu. *Smert' Vazir-Mukhtara*. [The Death Of Vazir-Mukhtar.] Leningrad: Priboi publ., 1929. 235 p. (In Russ.)
22. Shcherbakov A. Have read — share with others. *Rossiiskaya gazeta*. 1999. 4 June. (In Russ.)

Received: 10.09.2016.